

ВЫ ЧИТАЕТЕ ДАШКОВУ, А ОНА ЧИТАЕТ...

Кн. обозрение. — 1999 — 6 сент. — с. 16

Успех детективной писательницы Полины Дашковой опирается на внушительные количественные показатели ее изданий: весной этого года автором пройдена пятимиллионная суммарная тиражная отметка. Спросом пользуется любой из уже написанных ею семи романов. Люди читают Дашкову и хотят читать еще. А что читает сама Полина Викторовна? Этот и другие вопросы недавно были заданы ей нашим корреспондентом.

— У вас находится время быть просто читателем? Что именно вы читаете сейчас или прочли совсем недавно?

— Я читаю учебники психиатрии австрийского врача-психиатра Близера. Это оппонент Фрейда, у него очень любопытные теории по поводу криминальной психиатрии. А вообще я читаю одновременно огромное множество книг. В последнее время, особенно в связи с югославскими событиями, мне захотелось почитать «Окаянные дни» Бунина, что я и сделала.

— А что стоит на очереди в ваших читательских планах?

— Давно хочу перечитать «Записки охотника» Тургенева. И, наверное, я это вскоре обязательно сделаю, просто детям на ночь почитаю. Еще очень хочу перечитать «Евгения Онегина». К юбилею я видела по телевизору, как Юрский читает его в совершенно новой трактовке. А я всегда была по-настоящему

«больна» Пушкиным, и перечитать «Онегина» мне сейчас очень хочется.

— Какие книги, будь на то ваша воля, вы без ограничений раздавали бы всем и каждому?

— Всем и каждому я, не буду в этом оригиналом, раздавала бы Евангелие прежде всего. И, наверное, сочинения Пушкина раздавала бы. И, может быть, Шекспира. Но Шекспира — как бы через одного, не всем подряд.

— А какие книги вы запретили бы, случись у вас опять же такая возможность?

— Запрещать — утопия, я ничего не запрещала бы. Или так: независимо от жанра, от эпохи, от авторства, я запретила бы книжки халтурные, просто плохо, дурно написанные. Ведь можно что угодно написать хорошо или плохо, даже если какие-то «ужастики» написаны мас-

терски — пусть они будут, пожалуйста, сколько угодно. А плохие книги — это как плохая, некачественная еда.

— Что вы читаете из периодики? Изменился ли ваш выбор за несколько последних лет?

— Раньше я читала обычный набор интеллигентного человека — «толстые» журналы «Новый мир», «Иностранную литературу», «Знамя», «Юность». Сейчас я читаю газету «Московский комсомолец», потому что подача там критической информации наиболее жесткая и конкретная. Иногда я читаю «Аргументы и факты». Есть еще такая газета «Криминальная хроника», тоже иногда почитываю, и, надо сказать, не без пользы. Там бывает много всего любопытного: жизненные коллизии, оригинальные психологические ситуации.

— То есть вы «корыстно» заинтересованы в определенном роде информации, хотя бы отчасти. Поэтому насколько близки к жизни оказываются ваши произведения?

— Я никогда не беру информацию напрямую, не собираю фактуру, но она порой становится поводом для размышления. А вообще мысль о том, что жизнь богаче литературы, с моей точки зрения, не выдерживает серьезной критики: у меня была возможность читать протоколы допросов, проведенных следователями, оперативниками, — для постороннего человека они просто скучны до крайности. Попытка воспроизвести их в повести или в романе обрекла бы художественное произведение на мгновенную смерть. Почти то же

и эпизод криминальной хроники в газете — это лишь эпизод, не более.

— А что вы могли бы сказать о нашей прессе в целом? Чем она хороша, чем плоха?

— Она хороша разнообразием, которого так долго мы были лишены. Она абсолютно свободна, но в этом же и ее беда, потому что часто она свободна в том числе от профессионализма. Дело не во вседозволенности: писать можно о чем угодно, важно — как. Для меня самые страшные люди — это непрофессионалы, потому что они не уверены в себе, и свою неуверенность пытаются компенсировать агрессией, негативом.

— Ваши романы не злы, в них нет ожесточенности, они просто реалистичны: преобладают типические герои в типических обстоятельствах. А можно ли сказать, что у вас есть некий типический читатель? Конкретный читательский адрес, к которому вы обращаетесь?

— На самом деле я не люблю обобщений: все люди разные, у каждого свои вкусы, интересы... Предположить, кто именно возьмет в руки мою книгу, мне трудно. Но о кое-каких наблюдениях мне говорили. По ним выходит, что по возрасту у «моего» читателя ограничений нет, а по профессии это чаще всего врач или милиционер.

— Ваши пожелания читателям?

— Чтобы все их проблемы решались «малой кровью».

Беседовала
Мария ПУШЕВА